

Шэнь Ланьшу под руку с Цзян Цинъянем представлял его гостям, официально заявляя о статусе своего будущего жениха. Весь вечер Шэнь Ланьшу невозмутимо выпивал за него, однако глаза Цзян Цинъяня всё равно начали слипаться — он и представить не мог, что шампанское так быстро свалит его с ног, а уж тем более не ожидал, что это тело окажется настолько нестойким к алкоголю!

Когда они вышли из аукционного дома и сели в машину, он уже был в полном беспамятстве.

В полудреме ему почудилось, будто над самым ухом жужжит назойливая муха. Он раздраженно махнул рукой, пытаясь её прихлопнуть, но муха не унималась, а следом раздался чей-то довольный смешок, который окончательно вывел его из себя. Не в силах больше терпеть, он на ощупь потянулся к источнику звука и, недолго думая, прижался к нему губами, чтобы заставить замолчать.

Смех внезапно оборвался, застряв в горле.

Шэнь Ланьшу застыл: лицо Цзян Цинъяня было совсем рядом, а губы — мягкими и податливыми.

Горячее дыхание, пропитанное ароматом вина, опаляло его кожу, заставляя сердце пропускать удары. На секунду перестав дышать, он вдруг сделал судорожный вдох и потянулся рукой к затылку юноши.

Однако, едва коснувшись волос, его ладонь внезапно сжалась в кулак и опустилась.

Он зажмурился. Рука, сжатая в кулак, то разжималась, то снова напрягалась. Лишь после долгих усилий он смог подавить в себе желание углубить этот поцелуй. Шэнь Ланьшу обнял юношу за плечи и бережно уложил его к себе на колени.

Шэнь Ланьшу никогда не считал себя святошей. С самого детства, если он чего-то хотел, он добивался этого любыми средствами. Но с Цзян Цинъянем всё было иначе...

Он смотрел на юношу, чьи щеки покраснелись от алкоголя, и осторожно провел кончиками пальцев по его блестящим губам. Ему хотелось, чтобы их первый настоящий поцелуй случился тогда, когда они оба будут трезвы и по своей воле.

Ли Сэнь, сидевший за рулем, увидел эту сцену в зеркале заднего вида и был поражен до глубины души.

Впрочем, если призадуматься, предпосылки были давно видны. Взять хотя бы их первую встречу: получив от Цзян Цинъяня ответ, который помог бы умиротворить Старейшину Шэня, босс должен был сразу уйти, но вместо этого остался, сославшись на то, что ответ был слишком поверхностным. А во время второй встречи он и вовсе изменил своим привычкам,

пригласив Цзян Цинъюня на ужин под предлогом обсуждения работы, якобы чтобы тот помогал ему с делами.

Ну конечно, как же! С тех пор как Цзян Цинъюнь приехал в Киото, работы у Ли Сэня стало только больше.

Раньше он думал, что босс просто проявляет заботу, ведь Цзян Цинъюнь — жених, которого Старейшина Шэнь выбрал для Шэнь Цзянмянь. Оказывается, он был слишком наивен.

— Ли Сэнь.

Хриплый голос, словно идущий из самой глубины груди, сдержанно и медленно раздался в салоне:

— Свяжись с мастером ювелирного дизайна Vaux. Пусть она поможет создать пару колец с красными бриллиантами в тематике красного лотоса.

Ли Сэнь открыл рот, собираясь спросить, помнит ли босс, что Цзян Цинъюнь — жених, предназначенный госпоже Шэнь. Но, взглянув в зеркало, он увидел, как пальцы босса переплелись с пальцами спящего Цзян Цинъюня, сжимая их так крепко, словно он собирался держать его за руку до самого конца времен.

Со стороны это выглядело романтично, но Ли Сэнь почему-то почувствовал леденящую душу собственническую хватку. Слова, готовые сорваться с языка, застряли в горле, и в итоге он лишь ответил:

— Слушаюсь.

Машина пронеслась по улицам и въехала на подземную парковку резиденции Клана Шэнь. Было еще рано, солнце не успело скрыться за горизонтом.

Ли Сэнь, катя инвалидное кресло, последовал за боссом, который нес на руках спящего Цзян Цинъюня. Когда босс осторожно прижал голову юноши к своей груди, Ли Сэнь невольно вздрогнул.

В их кругу, где личная жизнь обычно была весьма беспорядочной, босс, который до этого момента интересовался только бриллиантами, казался настоящим островком чистоты. Не то чтобы к нему не пытались подкатывать красавцы и красавицы — он ведь был завидным холостяком, — но босс оставался непоколебим, пугающе безразличен к плотским утехам. Ли Сэнь даже одно время подозревал, что с боссом что-то не так.

Пока Ли Сэнь предавался этим мыслям, лифт достиг нужного этажа.

Дзынь! Двери открылись, и перед ними предстала целая толпа. Ли Сэнь мельком глянул: по одну сторону стояли молодые члены семьи во главе с Шэнь Цзянмянь, по другую — старшее поколение во главе со Старейшиной Шэнем.

Ничего себе! Все как один собрались здесь.

А тот, кого встречали с таким почетом, в этот момент безмятежно спал от передозировки алкоголя.

От Цзян Цинъяня исходил густой винный запах. Отец Шэнь Ланьшу недовольно нахмурился и холодно бросил сыну:

— Шэнь Ланьшу, я тебя так воспитывал?

— В чем дело? — спросил Старейшина Шэнь, насупившись. — Почему от него так разит спиртным?

Под пристальными взглядами десятка людей Шэнь Ланьшу сохранил невозмутимость:

— Мы только что с приема. Цинъянь — мой секретарь, он выпил за меня пару бокалов. Кто же знал, что у молодежи такая слабая голова, хватило нескольких глотков, чтобы он отключился.

Услышав такое объяснение, Старейшина смягчился. Он махнул рукой, веля остальным разойтись, и, опираясь на руку отца Шэнь Ланьшу, добавил:

— Отнеси Цинъяня в комнату, пусть отдохнет. А потом зайди в главный дом.

Цзян Цинъянь проспал три часа. Алкоголь почти выветрился, но остатки хмеля заставляли его смотреть на мир слегка затуманенным взглядом. Он уставился на полог кровати с вышитыми лотосами и на мгновение подумал, не переместился ли он снова в другой мир. Пока перед глазами не возникло знакомое лицо.

— Вставай, пора ужинать.

Видя, что юноша еще не до конца проснулся, Шэнь Ланьшу с улыбкой помог ему сесть и поправил растрепанные волосы. Цзян Цинъянь запоздало спросил:

— Где это мы?

— В родовом поместье, в моей комнате, — Шэнь Ланьшу нежно пригладил выбившийся локон.
— Старейшина и остальные уже ждут в гостиной. Я отнесу тебя в душ, а потом пойдем есть, хорошо?

Цзян Цинъянь, чьи мысли еще путались, машинально ответил: «Угу».

Только когда его, уже чистого и свежего, вкатили в гостиную и он увидел людей, сидящих за большим круглым столом, его сознание окончательно прояснилось. Постойте, как он оказался в особняке Клана Шэнь?

Только он об этом подумал, как до его ушей донеслось негромкое бормотание:

— Ну надо же, заявиться в гости в стельку пьяным!

Цзян Цинъянь обернулся и увидел одного из близнецов, которые недавно блокировали его на заднем дворе. Не успел он среагировать, как мужчина средних лет с утонченными чертами лица постучал двумя пальцами по столу:

— Шэнь Цзе, извинись перед братом Цзяном.

Шэнь Цзе скривил губы и без тени раскаяния произнес:

— Прости, брат Цзян. Но я ведь еще ребенок, ты же не будешь на меня обижаться?

Старейшина уже готов был ударить по столу, но мужчина с утонченным лицом внезапно встал, схватил Шэнь Цзе за шиворот и под его вопли вытащил из-за стола. Направляясь к выходу, он невозмутимо произнес:

— Столько лет учился, а всё, похоже, псу под хвост. Если учеба не научила тебя манерам, пусть мои кулаки научат!

Несмотря на мягкое лицо, мужчина говорил вещи, совершенно не вяжущиеся с его образом. Остальные присутствующие сохраняли невозмутимость — видимо, привыкли. Кроме второго близнеца, Шэнь Сяо.

Шэнь Сяо, дождавшись, пока никто не смотрит, злобно сверкнул глазами в сторону Цзян Цинъяня, а затем поспешил удержать мужчину, делая жалобный вид перед Старейшиной:

— Дедушка, ну уговорите папу! Брат не нарочно, вы же знаете его собачий характер.

Старейшина, который обычно души не чаял в близнецах, на этот раз промолчал. Близнецы,

помимо Шэнь Цзянмянь, были его любимчиками. А поскольку они были младшими и их близнецовая природа считалась в семье Шэнь редкостью, старшие их баловали, что и породило их высокомерие.

Цзян Цинъянь был гостем, и любой другой на его месте промолчал бы, чтобы не раздувать конфликт. Но у него самого внутри был стержень. Увидев, что Шэнь Сяо, не добившись помощи, снова на него зыркнул — один раз можно было простить, но второй... Он вдруг холодно произнес:

— Младший братец, я тебе чем-то не нравлюсь?

Как только эти слова прозвучали, Третий дядя Шэнь обернулся и увидел ярость в глазах младшего сына. Усмехнувшись, он схватил и Шэнь Сяо. Проходя мимо Цзян Цинъяня, он вежливо сказал:

— Прошу прощения, не досмотрел за сыновьями. Когда я их как следует проучу, они придут к вам с извинениями.

Кивнув Цзян Цинъяню, он утащил обоих близнецов прочь.

За столом стало свободнее. Всего двенадцать человек. С учетом малыша, младенца на руках и самих Цзян Цинъяня и Шэнь Ланьшу, места всем хватило. Старейшина поманил Цзян Цинъяня к себе.

Видимо, благодаря тому, что он не проявил слабости, младшее поколение относилось к нему куда почтительнее, чем в оригинальном сюжете. Старшие были еще дружелюбнее, особенно родители Шэнь Ланьшу. Отец — типичный глава семейства, молчаливый, но предпочитающий действовать, — налил ему супа:

— Такой худой, ешь больше.

Мать — деловая женщина с открытым и прямолинейным характером:

— Цинъянь, я могу тебя так называть?

Цзян Цинъянь, все еще пребывая в шоке от того, что отец Шэнь Ланьшу лично налил ему суп, кивнул:

— Да, конечно, тетушка.

— Какая я тебе тетушка, я еще не такая старая, называй меня сест...

— Кхм! — отец Шэнь Ланьшу кашлянул, прерывая её.

Она быстро поправилась:

— Зови просто тетей.

— Хорошо, тетя.

— Умница, — мать Шэнь Ланьшу с готовностью достала красный конверт и вручила ему: — Ланьшу не предупредил заранее, что ты приедешь, я не успела подготовиться. Возьми пока это на первое время, как подарок при знакомстве, позже я подарю что-нибудь получше.

Цзян Цинъянь был ошарашен её теплотой. Странное поведение этой пары не укладывалось у него в голове. В оригинальном сюжете они знали, что помолвка была фиктивной, и держались подчеркнуто вежливо. Неужели такое отношение вызвано тем, что он не стал заключать с Шэнь Цзянмянь фиктивный брак?

С этими мыслями он доел ужин.

После еды Старейшина попросил всех разойтись, оставив только Цзян Цинъяня и Шэнь Ланьшу.

— Ну что, Цинъянь, привык к Киото?

В гостиной, опустевшей без остальных членов семьи, стало прохладно. Старейшина взял чашку горячего чая, которую подала няня, отпил глоток и с отеческой заботой посмотрел на юношу. Цзян Цинъянь же уставился на чашку в руках Старейшины — эмалированная посуда в дворцовом стиле была точь-в-точь как та, что Шэнь Ланьшу купил на аукционе.

Он вспомнил слова Шэнь Ланьшу о том, что он «покупает расположение людей». Неужели этими людьми был Старейшина?

Отбросив сомнения, он ответил:

— Старший брат Шэнь очень заботлив, и работа у меня несложная.

— Вот и хорошо, — Старейшина удовлетворенно кивнул, осторожно поставил чашку и мягко добавил: — Если Ланьшу будет тебя обижать, приходи и рассказывай мне, я за тебя заступлюсь. И заходи почаще. Если кто-то из братьев снова проявит неуважение, скажи Ланьшу, пусть проучит их.

Информация была более чем странной. Цзян Цинъянь не был глуп. В конце концов, по возрасту он был старше всех здесь присутствующих, кроме, может быть, близнецов, так что называть их «младшими братьями» было в корне неверно.

Выйдя из гостиной, Шэнь Ланьшу катил его инвалидное кресло по коридору, где в вечернем воздухе мерцали старинные фонари. Цзян Цинъянь обдумывал слова Старейшины, а потом спросил:

— Что ты наговорил Старейшине, а также своим родителям?

Шэнь Ланьшу промолчал, докатив его до беседки. На каменном столе стояли фрукты и остывший чай. Он взял мандарин, очистил его, аккуратно убрал белые прожилки, отломил дольку и поднес к губам Цзян Цинъяня, а затем с улыбкой ответил:

— Ничего особенного. Просто сказал, что хочу на тебе жениться.

Ночь была тихой и элегантной, как песня. Внезапно тишину нарушил резкий приступ кашля.

Цзян Цинъянь, только что откусивший дольку мандарина, поперхнулся и выплюнул сок прямо в лицо Шэнь Ланьшу. Тот, не обращая внимания на мандариновый сок на щеках, поспешно подал ему чашку чая и принялся похлопывать по спине.

Цзян Цинъянь схватил его за запястье, подавил зуд в горле, поднял голову и хрипло спросил:

— Ты правда так сказал?

Видя, что он пытается добиться ответа, несмотря на кашель, Шэнь Ланьшу почувствовал некую горечь. Он опустил глаза, его профиль наполовину скрылся в тени. Длинные пальцы коснулись челки Цзян Цинъяня, открывая его лицо, покрасневшее от усилий, и влажные от слез глаза.

Сердце Шэнь Ланьшу дрогнуло. Он нежно провел пальцем по его брови, по горячей щеке и, наконец, остановился на уголке губ.

Его мучил один вопрос. Тот поцелуй в машине днем — было ли это бессознательным порывом, или же Цзян Цинъянь в пьяном бреду принял его за кого-то другого? За того, с фамилией Цзи?

Вдыхая кислый аромат мандарина, он проглотил эту «ревность» и вздохнул:

— Не нервничай, я пошутил.

— Пошутил? — Цзян Цинъянь нахмурился.

— Я сказал им, что люблю тебя. Люблю так, как никогда не любил за свои тридцать лет. Поэтому я добиваюсь тебя и прошу, чтобы они не чинили препятствий, если не могут благословить.

Вот почему родители и Старейшина вели себя так странно. Цзян Цинъянь отпустил его запястье и снова закашлялся.

Шэнь Ланьшу подал ему чай. Сделав глоток, Цзян Цинъянь посмотрел на мужчину, который, сидя на каменном табурете, вытирал лицо платком:

— Значит, на аукционе ты говорил о «покупке сердец» — это были твои родители и Старейшина?

— Угу, — Шэнь Ланьшу спокойно сложил платок и убрал в карман, подперев подбородок и внимательно глядя на него. — Старейшина любит чай. У него был любимый набор, который случайно разбил младший брат, когда был ребенком. Старик до сих пор вспоминает об этом с болью. Мой отец... он кажется серьезным, но это лишь потому, что Старейшина его перестроил. На самом деле в душе он романтик, любит цветочные композиции, так что ваза, которую я купил, пришлась как нельзя кстати. А моя мама...

Он усмехнулся:

— В следующем месяце у отца день рождения. Мама каждый год ломает голову, что ему подарить. Я отдал ей те нефритовые запонки, она была в восторге.

Неудивительно, что она была так любезна. Цзян Цинъянь прикрыл губы чашкой, чтобы скрыть усмешку.

Отставив чашку, он поймал на себе пристальный взгляд Шэнь Ланьшу. Слегка смутившись, он отвел взгляд на лунный свет, отражающийся в пруду, и внезапно не нашел слов.

После долгого молчания Шэнь Ланьшу тихо произнес:

— Мои родители хоть и вступили в брак по расчету, но прожили вместе полжизни, почти не ссорясь. Мама часто возвращается поздно, но отец всегда оставляет для неё включенным свет. А мама, даже в командировках, не забывает о подарках...

Неизвестно, виноват ли был лунный свет или мягкое освещение фонарей, но голос Шэнь Ланьшу звучал нежно, словно весенний ветер.

— ...Поэтому, Цинъянь, ты не мог бы оставлять для меня свет?

— Почему не ты для меня? — неожиданно спросил Цзян Цинъянь.

— ...Тогда, Цинъянь, дашь ли ты мне шанс стать тем, для кого ты будешь оставлять свет?

— На самом деле...

Цзян Цинъянь не понимал этой романтики. Вероятно, вся его романтичность ушла в навыки боя. Но он не был слеп, и атмосфера была слишком хороша, чтобы портить её. Он помолчал и добавил:

— Вообще-то, в домах обычно свет оставляют слуги.

— !!!

Шэнь Ланьшу замер. Его нежность испарилась. Он резко встал, с каменным лицом подошел к креслу, подхватил юношу на руки и широким шагом направился прочь из беседки.

Цзян Цинъянь обнял его за шею:

— Что ты делаешь?

— Несу тебя спать! — ответил Шэнь Ланьшу, глядя прямо перед собой.

Голос казался спокойным, но Цзян Цинъянь отчетливо расслышал в нем скрежет зубов. Он на мгновение опешил, а потом расхохотался.

— Очень смешно? — процедил Шэнь Ланьшу. — Посмотрим, как ты будешь смеяться потом!

Такая атмосфера, такой момент для признания — а этот человек оказался деревянным чурбаном, настоящим мастером разрушения романтики!

— Ха-ха-ха...

Угроза не испугала Цзян Цинъяня, напротив — он засмеялся ещё громче. Его столько раз пытались обхитрить, и вот, наконец, удалось загнать Шэнь Ланьшу в тупик — как тут не радоваться?

Смех эхом разнесся в ночи и достиг ушей четырех братьев, стоявших в коридоре. Шестой

жаловался, что Третий дядя был слишком суров с близнецами, Третий поддакивал. Лишь Второй, Шэнь Ин, и Четвертый, Шэнь Мао, молчали.

Услышав смех, они замолчали и, переглянувшись, решили проверить, в чем дело.

В тусклом свете фонарей они увидели высокую фигуру, несущую на руках смеющегося человека. Тени скрывали лица, и Шестой неуверенно спросил:

— Это старший брат?

— По фигуре... похоже, что он, — отозвался Шестой.

Второй, опиравшийся на колонну, бросил взгляд на Четвертого. Они понимающе переглянулись и выпрямились, увидев, как Шэнь Ланьшу с чернее тучи лицом и тяжелой аурой несет на руках жениха их «пятой сестры». В душе они оба горько вздохнули.

<http://bllate.org/book/19897/1958732>